

Три дня "горячего" мая 86-го

Встреча с представителем династии пожарных Иваном Петровичем Скрипкой состоялась в городском краеведческом музее, в зале Чернобыльской АЭС, в профессиональный праздник — День работников пожарной охраны Украины, установленный 17 апреля 2013 года.

В большой семье Ивана Скрипки этот профессиональный праздник отмечают его сестра (телефонистка пожарной части), ее муж (пожарный), сам Иван Петрович и сын Евгений Скрипка, которого мы знаем как работника Славутичской пожарной части № 42. Встреча с Иваном Петровичем в зале Чернобыльской АЭС состоялась не случайно — он из тех, кто в первые месяцы 1986 года принимал участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (тушил пожар на блоке № 2), а потом служил в Славутичской пожарной части № 15 (сегодня это и есть 42-я). Вот что он рассказывает о первой своей командировке на Чернобыльскую атомную электростанцию в апреле-мае 1986-го:

— В 1986 году я служил в Прилукском отряде. В последний день апреля в составе Черниговского сводного отряда мы со своим усиленным отделением и автомобилями попали в зону Чернобыльской АЭС. Мы сменили отряд киевских пожарных, которые первыми начали работу по дезактивации. Наша база была в Иванкове, задания на каждый день мы получали в Чернобыльской пожарной части. В первые дни мы подвозили воду для спецавтомобилей на пунктах дезактивации машин и автобусов на пунктах пропуска и дезактивации автотранспорта, несли дежурство по пожарной части, помогали в проведении эвакуации. Дежурили иногда сутками, так как постоянно проходили автобусы с эвакуированными людьми из ближайших сел. Далеко не все понимали величину трагедии, как и то, что домой они могут уже и не вернуться. Когда подъезжал очередной автобус, то мужики выходили покурить, дети с любопытством рассматривали всё вокруг, только женщины были грустными. В памяти сохранились несколько событий из тех весенних дней мая 1986 года. Два из них связаны с военными по-

левыми кухнями. Наш отряд расположился в Иванкове, недалеко от радиозавода, где мы и установили палатки, в которых жили, получили новенькую полевую кухню, прямо из консервации. Бак кухни для сохранности был хорошенько вымазан солидолом, поэтому сразу есть из него не получилось...

Это потом уже были различные каши с тушенкой, супы. Вообще порядок в нашем палаточном городке был военный, мы даже дорожки между палатками песком посыпали, четко в определенных местах стояли пожарные автомобили, были определены технические зоны для мелкого ремонта. Второе событие также связано с полевыми кухнями, но не связано с приемом пищи. Самыми "горячими" днями нашей командировки стали дни 8, 9 и 10 мая. Мы получили задание на дезактивацию помещений, зданий и земли в районе, где сегодня собирается новый саркофаг. Мы одними из первых начали дезактивацию территории, где еще можно было встретить куски мелкого графита из четвертого реактора. В первый день, когда в Лелёве у меня замерили костюм ОЗК Л 1, то прибор показал 1 рентген. Мне сказали переодеться, но у меня не было другой одежды, поэтому просто дважды провели дезактивацию.

— Вы назвали свой костюм ОЗК Л 1, а какая еще одежда и средства защиты выдавались ликвидаторам последствий аварии во время работ?

— Я назвал наш рабочий комбинезон, а к нему нам просто добавили еще лепестки и закрытые очки типа мотоциклетных. Как потом мы узнали, наши костюмы против радиации были абсолютно неэффективны, да и менять их надо было

чаще. Мы проработали в своих костюмах все две недели своей вахты и поменяли их только в день отъезда, после того как помылись. К слову сказать, мыться нам пришлось в речке Тетерев, там же, в Иванкове.

Если в Иванкове мы всё более-менее обустроили, то во время выполнения дезактивационных работ две ночи пришлось ночевать в Чернобыле, в общежитии. Спали

на кроватных сетках, так как многие кровати были поломаны. Питания нам не дали никакого, спасло нас то, что я встретил там автолавку из Харькова, в которой были и хлеб, и тушенка, и сгущенное молоко, и другие консервы, а главное — здесь была вода и хлеб. По списку нам просто бесплатно выдали определенное количество продуктов. Когда мы проводили дезактивацию 8, 9 и 10 мая, я увидел еще одно применение полевых кухонь. Они в большом количестве были расставлены в ряд на открытой местности, в отделении Чернобыльской сельхозхимии.

В них варился специальный раствор для дезактивации. Его особенностью было образование пленки на обработанной поверхности после его остывания. Для нас это была действительно горячая пора, так как эта смесь в процентном объеме 50 на 50 смешивалась с водой в резервуарах наших машин, и заливать ее в пожарный автомобиль приходилось вручную в горячем виде ведрами из полевой кухни. Каждый экипаж, состоящий из трех человек, делал за смену две-три ходки. Причем делать всё надо было довольно быстро, так как при остывании раствор превращался

в плотную массу, которую уже нельзя было вылить из резервуара. Я помню, как такой случай произошел с экипажем одного из автомобилей соседнего отряда — так ребята ножовкой вырезали эту пленку! Что потом сделали с пожарным автомобилем, я не помню. Еще одна сложность — это то, что некоторые объекты не были полностью обесточены, были случаи коротких замыканий. Не знаю, насколько эффективна была наша пленочная дезактивация, но с работой мы успешно справились. Ребята смеялись, что и мышки подкачали, так как за один рейс перенесли до 200 ведер раствора. Для быстроты работы и чтобы не разносить лишние радиоактивные частицы мы во время проведения дезактивации помещений не собирали пожарные рукава, а оставляли их на месте. Это помогло нам быстро развернуться, когда мы приезжали следующей ходкой для продолжения работ. Водитель тоже старался прогазовать, чтобы быстрее израсходовать весь раствор и поскорее выехать из этой зоны. Естественно, все наши рукава мы там и оставили, для утилизации. Еще мне запомнилась одна поездка к 4-му блоку. Числа 10-го подошел к автомобилю замминистра среднего машиностроения и попросился его и дозиметриста подбросить поближе

к станции, чтобы провести замеры, так как там готовилась площадка для строительства объекта "Укрытие". Он попросил также и забрать их обратно. Если мы в первые дни ездили как телята в стаде, куда направят — туда и идут, то в этот раз мы узнали от опытного дозиметриста, где надо быстрее проезжать и почему, где нежелательно покидать автомобиль и лучше не останавливаться. Это уже шла подготовка к началу строительства объекта "Укрытие". В этот раз мне пришлось в поисках наших попутчиков ближе подойти к четвертому блоку.

— А как же оказались потом в Славутиче?

— В 1987 году к нам в пожарную часть приехали агитировать на работу в строящийся город Славутич. Меня подкупило то, что через год-другой обещали дать квартиру. Это победило даже тот факт, что, возможно, будут выезды на атомную станцию. С жильем у нас всегда было трудно, а тут такая возможность, прямая, можно сказать. С 1 июня 1987 года приказом я был переведен в пожарную часть Славутича. Правда, сначала пришлось пожить в Неданчичах, потом в Лесном. Славутичскую пожарную часть я знаю, можно сказать, с первого колышка. Уже работая в Славутиче, мне приходилось выезжать и на тушение кровли в машзале второго блока в 1991 или 1992 году. В этот раз страх больше давил на нас, потому что мы знали, какие последствия могут быть, да еще волнений добавил диспетчер, который подгонял нас, но работа есть работа. После этого нас направили на обследование в Киев в радиологический институт, где врач очень удивился, что я не попал для обследования к ним раньше, так как был на станции в 1986 году. Я мысленно поблагодарил судьбу за то, что дала мне крепкий организм. Сегодня я уже на пенсии, но мое дело продолжает сын. И в этот профессиональный праздник я хочу поздравить всех огнеборцев, кто стоит на своем боевом посту и защищает жизнь людей.

Беседовал Вадим ИВКИН